ПИСЬМО

МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ГРАФУ ТОЛСТОМУ.

ОТЪ

КНЯЗЯ А. ВАСИЛЬЧИКОВА.

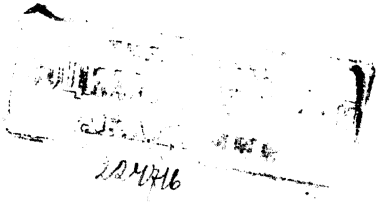

BERLIN.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK).

27. UNTER DEN LINDEN. 27.

1875.

Милостивый Государь,

Графъ Дмитрій Андреевичъ!

Я пишу и адресую Вамъ это письмо изъ чужихъ краевъ по двумъ причинамъ: во первыхъ — потому, что въ Россіи всякая полемика о народномъ образованіи Вами же строжайше запрещена, — и этой причины было бы совершенно достаточно для моего полнаго оправданія; а во вторыхъ потому, что, раздѣляя въ этомъ отношеніи ваше мнѣніе, признаю до нѣкоторой степени вреднымъ колебать основанія принятой системы воспитанія, *если* и *покуда* нѣтъ надежды ее измѣнить и исправить. Какъ бы эта система ни была дурна, она все таки лучше, чѣмъ колебанія и крутые повороты въ дѣлѣ народнаго образованія, которые подрываютъ самый авторитетъ науки и воспитанія, унижаютъ учителей въ глазахъ учениковъ, возмущаютъ умы и чувства молодыхъ

Вотъ это именно я хочу доказать и повергнуть на ваше усмотрѣніе. Я не вдаюсь въ разсужденія о сравнительной пользѣ классическаго и реальнаго образованія; я готовъ сдѣлать вамъ даже уступку, что первое лучше послѣдняго; но еслибы подъ предлогомъ, что пшеница составляетъ лучшее питательное средство, чѣмъ рожь, приказано было всему населенію питаться бѣлымъ хлѣбомъ вмѣсто чернаго, то Вы сами согласились бы, что это было бы безразсудно. Классическое образованіе, въ томъ видѣ, какъ оно требуется въ настоящее время, такъ же недоступно для среднихъ классовъ въ Россіи, какъ улучшеная пища и мясная порція для простонародья.

Я признаю вашу систему невыносимою для современной Россіи потому собственно, что Вами и предшествовавшими Министрами Народнаго Просвѣщенія (за исключеніемъ Графа Уварова) не было принято никакихъ предварительныхъ мѣръ для усиленія образовательныхъ средствъ въ Россіи и что послѣ тридцатилѣтняго царствованія, въ теченіе коего классическое и вообще высшее образованіе

состояло въ опалѣ, были внезапно приняты мѣры къ обязательному обученію такимъ предметамъ, для коихъ нѣтъ преподавателей.

Въ этомъ весь вопросъ.

Хотя Вы нѣсколько моложе меня, но вѣроятно помните, въ какомъ незавидномъ почетѣ стояли университеты и высшія школы при Императорѣ Николаѣ; самъ государь питалъ нѣкоторое даже враждебное чувство къ древнимъ языкамъ, своихъ дѣтей — нынѣшняго Государя и Великихъ Князей — не обучалъ ни латынскому ни греческому языку и смотрѣлъ сначала равнодушно, потомъ и подозрительно на усилія Графа Уварова къ водворенію классическаго образованія и поднятію уровня университетскаго преподаванія. Онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ слѣдилъ за порывами молодыхъ людей знатныхъ фамилій ко вступленію въ университеты въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и старался обратить дѣтей своихъ сановниковъ и приближенныхъ людей на путь истины, т. е. въ Юнкерскую Школу и въ Пажескій и Кадетскіе Корпуса. Даже и въ военной службѣ, которая составляла предметъ неусыпныхъ заботъ Императора и его Августѣйшаго брата приснопамятнаго В. К. Михаила Павло-

вича, высшее научное образованіе считалось прихотью и Военная Академія наравнѣ съ Университетами признавалась въ кругу консерваторовъ того времени разсадникомъ вольнодумцевъ.

Что же касается до спеціальнаго предмета подготовленія педагоговъ, филологовъ, преподавателей, то, какъ извѣстно, не было сдѣлано ничего. Фальшивый опытъ Педагогическаго Института не далъ никакихъ результатовъ; филологическіе факультеты во всѣхъ Университетахъ блистали пустотою аудиторій; кромѣ отдѣленія оріенталистовъ, они насчитывали рѣдко болѣе десятка студентовъ въ курсѣ. Однимъ словомъ, если высшія школы вообще пользовались очень слабымъ вниманіемъ и благорасположеніемъ, то ужъ филологія въ особенности находилась въ полнѣйшемъ пренебреженіи, и въ мое время разсказывали какъ о чудѣ Петербургскаго Университета, что въ одинъ изъ предшествовавшихъ выпусковъ два студента-филолога (С. А. Гедеоновъ — нынѣ Директоръ Театровъ — и нѣкто баронъ Раденъ) переводили безъ затрудненія à livre ouvert съ Греческаго языка на Латынскій; но къ сожалѣнію ни тотъ, ни другой не посвятили себя скромному званію преподавателей древнихъ языковъ и

ихъ блистательные успѣхи не оплодотворили тощей почвы русской филологіи.

И вотъ по выходѣ изъ этого долгаго періода опалы Классицизма, вдругъ пробудилось очень разумное, совершенно справедливое желаніе возвратить ему мѣсто, безспорно ему подобающее въ общемъ курсѣ человѣческихъ знаній, и вообще возвысить уровень гимназическаго и университетскаго образованія согласно требованіямъ педагогики, принятой въ другихъ странахъ высшей культуры. Требованіе это, повторяемъ, было такъ естественно, такъ благоразумно, что прекословія быть не могло. Но съ чего же надо было начать? Какъ приступить къ дѣлу? Этотъ вопросъ такъ простъ, что мы даже стыдимся его и ставить въ письмѣ къ Министру Народнаго Просвѣщенія и не будемъ доказывать, что для преподаванія — нужны преподаватели, для обученія — нужно подготовлять учителей, для проведенія новой системы — имѣть людей согласныхъ съ главными ея основаніями, сознающихъ ея пользу и удобоисполнимость.

Ничего этого, Графъ, у Васъ не было; при управленіи Министра вашего предшественника было дано напротивъ слишкомъ исключительное развитіе

реальному образованію; изъ одной крайности Вы бросились въ другую и поворотили всю учащуюся молодежь по командѣ на-лѣво-кругомъ, не замѣчая, что при такой внезапной перемѣнѣ фронта офицеры, т. е. профессоры, Директоры Гимназій и учебный вашъ Штабъ, остались за фронтомъ, въ замкѣ полка, вмѣсто того, чтобы быть впереди. Главная оппозиція противъ Васъ возникла изъ вашего же вѣдомства, изъ той среды, коей Вы поручили воспитаніе нашего юношества и которая вовсе несогласна была съ Вами, хотя и подчинялась volens nolens вашимъ Министерскимъ повелѣніямъ. Значитъ — здравый смыслъ Вамъ предписывалъ, если Вы хотѣли дать высшимъ школамъ твердое классическое основаніе, набрать новый штатъ преподавателей, выждать чтобы они подготовились и умножились и обратить все ваше вниманіе на филологическіе факультеты, которые могли и должны были служить разсадниками учителей, но которые, какъ выше сказано, были пусты и коснѣли въ долголѣтнемъ застоѣ.

Но все это такъ просто и ясно, что я не смѣю и думать, чтобы такія элементарныя истины ускользнули отъ вашего вниманія, и потому нужно предположить, что если Вы рѣшились ударить тревогу

и, пренебрегая всякими подготовительными средствами, прямо, обязательно ввести классическія ученія *безъ учителей*, то Вы должны были имѣть другія высшія побужденія, передовыя или заднія мысли, государственныя или политическія соображенія, которыя заставили Васъ пожертвовать послѣдовательностью и постепенностью въ виду какой либо угрожающей опасности, пожертвовать настоящимъ поколѣніемъ нашихъ сыновей, чтобы спасти грядущія поколѣнія, спасти отечество! Отъ чего? Вотъ вопросъ.

Я не ставлю его Вамъ, Графъ, потому, что Государственному Сановнику, Царскому Совѣтнику отвѣчать на такіе нескромные вопросы бываетъ часто неудобно, да и Вы, вѣроятно, не удостоите меня отвѣтомъ. Я постараюсь самъ на нихъ отвѣчать, руководствуясь тѣми мнѣніями, которыя неоднократно высказывали люди и писатели, выдающіе сами себя за органы Министерства Народнаго Просвѣщенія и признаваемые таковыми въ нашей русской публикѣ.

Первое и главное побужденіе, которое какъ извѣстно, заставило Правительство ускорить реформу учебныхъ заведеній, было опасеніе антисоціальныхъ

ученій, проникшихъ въ послѣднее время во многія изъ нихъ подъ страшнымъ знаменемъ нигилизма. Безъ всякаго сомнѣнія, противъ этихъ тлетворныхъ ученій нужно было принять неукоснительныя мѣры, но здѣсь позвольте, Графъ, Вамъ замѣтить, что въ то время, какъ Вы вступили въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и начали сочинять проэкты реформъ, главная опасность уже миновала и такъ называемому нигилизму были нанесены первые, но самые чувствительные удары, и не Правительствомъ, не Жандармами и Цензурой, а свободой Печати, которою въ этотъ краткій промежутокъ пользовалась (правда въ очень тѣсныхъ предѣлахъ) наша вольноотпущенная пресса. Полемика Каткова въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Аксакова и всего кружка Славянофиловъ въ разныхъ Московскихъ изданіяхъ раскрыла глаза родителямъ на безразсудныя ученія, проповѣдывавшіяся въ нѣкоторыхъ школахъ; возмутительные голоса нашихъ эмигрантовъ начинали уже заглушаться свободнымъ словомъ русскихъ писателей. Но тогда же и одновременно съ вашимъ появленіемъ на горизонтѣ приняты были мѣры къ прекращенію этихъ изданій, предостереженія посыпались на Каткова, запрещенія

— на Аксакова; славянофилы умолкли, нигилисты возрадовались. Я не приписываю этихъ мѣръ Вамъ непосредственно, но свидѣтельствую, что онѣ были приняты лицами, съ которыми Вы шли рука объ руку, и что если Вы дѣйствительно опасались пропаганды антисоціальныхъ ученій, то Вы должны были поддержать тѣ органы русскаго слова, которые служили единственнымъ имъ противоядіемъ.

Но какую связь можно измыслить между введеніемъ классическаго образованія и противодѣйствіемъ нигилизму и соціализму, это составляетъ для насъ такую загадку, которой при всѣхъ нашихъ усиліяхъ мы никакъ не могли разрѣшить? Намъ напротивъ сдается, что никакое другое ученіе не затемняетъ въ такой степени, какъ исторія древняго міра, нравственныя, общественныя и религіозныя понятія учащейся молодежи. Правда, въ древнихъ литературахъ можно найти зародыши всѣхъ человѣческихъ знаній, всякихъ ученій и теорій, отъ высоконравственныхъ и строго-консервативныхъ до самыхъ распутныхъ и разрушительныхъ; но общее впечатлѣніе древней исторіи, окончательное нравоученіе, вытекающее изъ исторіи греко-римской гражданственности, едва ли можетъ имѣть благо-

пріятное дѣйствіе на развитіе въ юношествѣ чувства уваженія къ старшимъ, довѣрія къ авторитетамъ. Лѣтописи Греціи и Рима представляютъ напротивъ самое печальное зрѣлище растлѣнія нравовъ, распущенности управленія, угнетенія низшихъ классовъ, развращенія высшихъ и продажности государственныхъ сановниковъ, каковыя язвы совпадали съ процвѣтаніемъ наукъ и художествъ и усиливались по мѣрѣ развитія цивилизаціи и укрѣпленія монархической власти; — такъ, что главное поученіе, которое невольно, помимо всякихъ ученыхъ коментаріевъ, истекаетъ изъ изученія классической древности есть то, *что высшая культура совпадала въ Греціи и Римѣ съ высшимъ развратомъ*, развивалась одновременно и совмѣстно съ стѣсненіями народныхъ правъ, порождала самыя свирѣпыя радикальныя предложенія о раздѣлѣ земель и кормленіи неимущихъ на счетъ казны, наконецъ, что эта пресловутая цивилизація привела могущественныя государства въ такое безсиліе, что они пали подъ ударами разбойничьихъ шаекъ.

Мы не говоримъ, чтобы изъ этого нельзя было извлечь очень полезныхъ нравоученій; мы только утверждаемъ, что съ точки зрѣнія охранительной

политики, воспитанія въ духѣ дисциплины, повиновенія, послушанія, классическая литература не только не внушаетъ уваженія къ учебнымъ и гражданскимъ авторитетамъ, но подрываетъ напротивъ всякое чувство довѣрія къ нимъ и вселяетъ въ незрѣлые умы учениковъ противуположное чувство сомнѣнія въ благости науки и учрежденій, породившихъ такое смутное и непрочное положеніе, т. е. именно то чувство, которое, развиваясь и усиливаясь, принимаетъ характеръ безусловнаго скептицизма и у насъ называется нигилизмомъ.

И такъ мнѣ кажется, что аргументъ, очень часто приводимый, будто бы классицизмъ охраняетъ юные умы отъ духа отрицанія, отъ колебаній и сомнѣній, есть чистый вымыселъ, придуманный pour les besoins de la cause и на практикѣ опровергаемый цѣлымъ поколѣніемъ французскаго юношества 18-го столѣтія, которое воспитано было на римскихъ образцахъ и всѣ свои кровавые подвиги въ революціи 1789 года, совершило подъ знаменемъ римскихъ героевъ, древней цивилизаціи, въ костюмахъ консуловъ и трибуновъ. Я даже не могу допустить, чтобы Вы, Графъ, вѣрили этому аргументу, но долженъ отдать Вамъ справедливость,

что эти доводы ad homines были очень ловко придуманы Вами для того, чтобы склонить въ свою пользу всѣхъ людей, не читавшихъ древнихъ авторовъ, запуганныхъ нигилизмомъ и коммунизмомъ и ухватившихся съ простодушнымъ восторгомъ за соломенку, которую имъ показывали чрезъ увеличительное стекло въ видѣ якоря спасенія. Но такъ какъ я обращаюсь не къ нимъ, не къ гвардейскимъ генераламъ и придворнымъ чинамъ, а къ Вамъ, Министру Народнаго Просвѣщенія, то и не считаю себя въ правѣ приписывать Вамъ такіе умыслы, которые не выдерживаютъ исторической критики и надъ которыми Вы, вѣроятно, сами подсмѣиваетесь, радуясь успѣху этого ловкаго учебнаго маневра.

Я долженъ по этому продолжать мои изслѣдованія, все таки съ тою цѣлію, чтобы отыскать дѣйствительныя серьезныя побужденія, заставившія такого просвѣщеннаго человѣка, какъ Вы, замутить народное образованіе въ Россіи, преждевременными легкомысленными мѣропріятіями, — и вотъ какія соображенія или предположенія кажутся мнѣ наиболѣе правдоподобными.

Извѣстно, что въ Англіи имущественные классы, nobility и gentry, пользовались издревлѣ двоякими преимуществами: правительственными — потому, что главныя должности внутренняго управленія и парламентскаго правленія были почетны и безвозмездны, а поэтому замѣщались людьми болѣе или менѣе зажиточными, — и учебными, потому что высшее образованіе сто́ило такъ дорого, обставлялось такими строгими свѣтскими условіями, что было доступно только высшимъ классамъ. Вотъ эта-то счастливая комбинація высшей власти и высшаго образованія и плѣнила, какъ мнѣ кажется, многихъ въ Россіи, въ томъ числѣ и Васъ, и принимая программу англійскаго воспитанія за исходное положеніе для упроченія аристократическаго элемента, Вы возмечтали тѣмъ же путемъ возстановить у насъ преобладаніе крупнаго землевладѣнія, такъ называемаго „культурнаго слоя“, централизируя высшее просвѣщеніе въ тѣхъ классахъ, которые имѣютъ наиболѣе независимости и наиболѣе досуга для исполненія государственной и общественной службы.

Умыселъ этотъ имѣетъ дѣйствительно очень серьезное и даже высокое значеніе, и Вы не имѣете

права оскорбиться тѣмъ, что я его приписываю Вамъ. Въ великосвѣтскомъ обществѣ, въ правительственныхъ сферахъ, англоманія, какъ извѣстно, сдѣлалась въ новѣйшее время символомъ всѣхъ повѣрій, вкусовъ и моды, начиная отъ самыхъ прихотливыхъ предметовъ — охоты, конскихъ ристаній, платьевъ и обуви, до самыхъ глубокомысленныхъ, — религіи, самоуправленія и парламентаризма. Sport, high-life, high-church, self-government, — это слова, которыя приводятся постоянно для означенія всего того, что относится къ высшему тону образованыхъ обществъ, и многіе сановники передразниваютъ англійскихъ лордовъ въ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, въ то время, какъ жены ихъ молятся Богу по англійскимъ молитвенникамъ, а сыновья переодѣваются въ англійскихъ грумовъ и кучеровъ. Впрочемъ это направленіе имѣетъ много хорошаго; оно безъ сомнѣнія лучше, чѣмъ прежняя тенденція перенимать легкомысленныхъ французскихъ маркизовъ и учиться православію у коварныхъ іезуитовъ, и если нашему высшему свѣту непремѣнно надо передразнивать иноземцевъ, то пусть же продолжатся эти невинныя и здоровыя упражненія, укрѣпляющія тѣло и духъ молодыхъ людей. Только не слѣдуетъ

воображать себѣ, что это *гимнастика тѣла*, называемая по англійски *спортомъ*, и другая *гимнастика ума,* именуемая *классицизмомъ,* были достаточны для того, чтобы создать твердый слой аристократическаго общества, по примѣру англійскаго, и въ этомъ отношеніи, Графъ, Вы точно также ошибаетесь, какъ ошибаются другіе, думая найти въ латынскихъ и греческихъ авторахъ противодѣйствіе антисоціальнымъ и демагогическимъ ученіямъ.

Всякое предложеніе обусловливается запросомъ и на оборотъ запросъ — предложеніемъ. Политическая практика въ Англіи требовала просвѣщенныхъ дѣятелей въ Парламентъ, въ Мировый Институтъ и требовала изъ людей богатыхъ, потому что должности эти были безмездныя и даже обходились дорого, такъ какъ выборы въ Палату Общинъ стоили каждый разъ кандидату нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Высшія школы, въ Оксфордѣ, Кембриджѣ и др., отвѣчали на этотъ запросъ подготовкой и предложеніемъ людей основательно, глубоко образованныхъ. Въ другихъ странахъ, гдѣ не было такого запроса, не было и предложенія; гдѣ высшіе классы не управляли, они меньше и учились. Въ Германіи и Франціи среднія сословія

несравненно образованнѣе высшихъ, оттого, что они управляютъ своими отечествами въ составѣ организованной бюрократіи и что для нихъ то и требуются тѣ познанія, которыя въ Англіи даются аристократическому классу.

Затѣмъ спрашивается: гдѣ же и къ чему можетъ примѣнить свои классическія знанія русскій столбовой дворянинъ, какое употребленіе онъ можетъ сдѣлать изъ изученія древнихъ языковъ и древней исторіи? Эти свѣдѣнія могутъ еще пригодиться медику, правовѣду, филологу, но всѣ эти профессіи замѣщаются не крупными собственниками, а среднимъ людомъ, служащимъ изъ жалованья и гонорарія. Богатые люди, выходя изъ высшихъ школъ, теряютъ немедленно практику, поддерживающую пріобрѣтенныя знанія; для военной службы, коей они большею частью посвящаются, требуется не филологія, а математика; для управленія имѣніями — техническія, реальныя науки, а не латынскій и греческій языки.

По этому мысль, заявляемая нѣкоторыми нашими государственными людьми и проводимая въ печати, будто бы высшее и классическое образованіе должно быть сосредоточено въ высшихъ слояхъ общества,

— есть фальшивая нота; для владѣльцевъ большихъ помѣстьевъ, для дѣтей крупныхъ торговцевъ и промышленниковъ нужны преимущественно техническія, реальныя познанія, естественныя науки, химія, физика, механика, безъ изученія коихъ немыслимо улучшеніе сельскаго хозяйства и промысловъ и непрочно благосостояніе самыхъ этихъ крупныхъ собственниковъ; или же — и къ этому мы и ведемъ эту рѣчь — надо имѣть въ виду открытіе новой карьеры для высшаго дворянства, правительственной, почетной службы съ Палатами Перовъ и Депутатовъ, съ правомъ голоса по имуществу и безмездными должностями.

Намъ всегда казалось, что система воспитанія, нынѣ вводимая, если имѣетъ какой либо смыслъ, то означаетъ именно *стремленіе образовать въ Россіи ядро правительственныхъ классовъ изъ людей богатыхъ* и обусловить высшее образованіе такими взыскательными требованіями, чтобы оно было доступно только высшему разряду имущественныхъ классовъ.

Дѣйствительно ли былъ у Васъ такой умыселъ, этого я не берусь рѣшить, но вѣрно то, что Ваша система не можетъ имѣть другаго исхода, какъ

устраненіе отъ высшаго образованія большей части дѣтей провинціальнаго, мелкаго дворянства, сельскихъ священниковъ, купцовъ и промышленниковъ, и вообще всѣхъ сельскихъ жителей и городскихъ разночинцевъ, не имѣющихъ ни возможности найти учителей въ уѣздахъ, ни средствъ для переѣзда и проживанія въ губернскихъ и столичныхъ городахъ. Достигнете ли Вы черезъ это желаемаго или предполагаемаго результата — укрѣпить вліяніе крупныхъ собственниковъ на управленіе страною, усилить такъ называемый культурный слой въ русскомъ народѣ, это — другой вопросъ, который мы теперь постараемся изслѣдовать.

Въ послѣднее время и совмѣстно съ вашими стараніями аристократизировать народное просвѣщеніе разошлось также по правительственнымъ сферамъ мнѣніе, что ограниченіе и упраздненіе помѣщичьей власти — съ одной стороны, и стѣсненія, причиняемыя дворянамъ земскими и судебными учрежденіями — съ другой, удаляютъ людей образованныхъ изъ деревень и помѣстьевъ, что они не находятъ пищи для своей дѣятельности, поприща

достойнаго ихъ просвѣщенной иниціативы, и что лучшимъ средствомъ для привлеченія ихъ къ сельской жизни было бы разширеніе имущественныхъ, вотчинныхъ правъ, дающихъ землевладѣльцу опредѣленный, независимый отъ избранія кругъ дѣйствій. Кажется, что такъ говорятъ и пишутъ люди, преданныя консервативнымъ началамъ.

Мы нисколько не оспариваемъ пользы привлеченія людей образованныхъ и по своему положенію самостоятельныхъ къ сельскому быту, коснѣющему у насъ въ вѣковомъ непробудномъ застоѣ, но мы глубоко убѣждены, что средство, придуманное для такого привлеченія, окажется совершенно безсильнымъ, и утверждаемъ, что и самыя причины, нынѣ удаляющія богатыхъ и образованныхъ людей изъ сельской среды, вовсе не тѣ, какія выше упомянуты, а совершенно другія, отчасти даже противоположныя.

Упраздненіе помѣщичьихъ правъ, введеніе земскаго самоуправленія и новаго судопроизводства, оскорбило, правда, многихъ дворянъ, но не образованнѣйшихъ изъ нихъ, а другихъ, малограмотныхъ и властолюбивыхъ, отставныхъ генераловъ, отслужившихъ чиновниковъ, людей стараго вѣка. Пер-

вые напротивъ, люди молодые и способные, были всѣ разобраны на расхватъ новыми учрежденіями, и если многіе изъ нихъ въ послѣдствіи охладѣли къ дѣлу, бросили службу, то это послѣдовало отъ тѣхъ стѣсненій, отъ того пренебреженія, которыя оказывали имъ не низшіе классы и инстанціи, а высшее Правительство и мѣстные начальники. Но не въ этомъ и вопросъ. Воображать себѣ, что русское помѣстное сословіе воодушевлено ненасытнымъ чувствомъ властолюбія, какъ нѣмецкіе бароны и польскіе паны, что оно томится жаждой дѣятельности и избыткомъ силъ, это значитъ не знать нашего дворянства. Оно ищетъ службы, занятій по нуждѣ, для своего пропитанія и содержанія семействъ, но власть сама по себѣ, и еще почетная, безмездная, въ низшихъ должностяхъ провинціальнаго управленія, не привлекаетъ никого въ Россіи, ни крестьянъ, ни дворянъ, и считается не почестью, а повинностью и почти наказаніемъ, потому что дѣйствительно сопряжена съ большими неудобствами, съ стѣсненіями домашняго быта и съ чувствительными расходами на переѣзды по огромнымъ разстояніямъ нашего отечества.

Не ограниченіе помѣщичьей власти, не стѣсненіе ихъ самодѣятельности, удаляютъ образованныхъ людей отъ сельскаго быта; это — неправда и клевета на нашихъ дворянъ, тѣмъ болѣе грубая, что они же и занимаютъ почти исключительно всѣ должности мѣстнаго самоуправленія. Что̀ заставляетъ ихъ убѣгать изъ селеній и переѣзжать въ города или даже въ чужіе краи, это — *забота объ умственномъ и физическомъ воспитаніи дѣтей*, которое, при отсутствіи медицинскихъ и педагогическихъ средствъ въ Россіи, совершенно недоступно не только бѣдному, но и среднему классу сельскихъ жителей, такъ что по мѣрѣ того, какъ возвышаются по вашей просвѣщенной иниціативѣ учебныя требованія, усиливается и эмиграція тѣхъ семействъ помѣстнаго дворянства, которыя и составляютъ „культурный слой“, вызывающій нынѣ особыя заботы администраціи и нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ. Какъ только отецъ семейства приживаетъ дѣтей, жизнь въ провинціи становится для него невыносимою; при малѣйшемъ припадкѣ дѣтскихъ болѣзней онъ долженъ посылать за докторомъ иногда за сто верстъ и платить ему за визитъ 25 руб. или держать домашняго медика и тратить

на него 1200 руб. въ годъ. Когда сыновья подростаютъ, то представляется первый вопросъ — подготовленіе ихъ въ гимназію, и если для этого требуются хотя бы самыя элементарныя познанія древнихъ языковъ, то родителямъ не остается уже болѣе возможности жить въ своихъ деревняхъ и заниматься хозяйствомъ; они по неволѣ переселяются въ губернскій городъ или въ столицы, нанимаютъ управляющаго для надзора за хозяйствомъ и затрачиваютъ по меньшей мѣрѣ столько же, какъ за доктора, на заочное управленіе и свое городское прожитіе.

Счастливѣйшіе изъ нихъ запасаются при этомъ какой либо штатной должностью въ городѣ, въ канцеляріяхъ и присутствіяхъ, но изъ сельско-хозяйственнаго быта, изъ мѣстнаго управленія они по неволѣ выходятъ на все время, покуда продолжается воспитаніе дѣтей, т. е. обыкновенно въ самый мужественный возрастъ человѣческой жизни. Это по крайней мѣрѣ относится до всѣхъ семействъ средняго состоянія, имѣющихъ примѣрно не болѣе нѣсколькихъ тысячъ рублей годоваго дохода; для нихъ воспитаніе дѣтей по вашей программѣ равносильно принудительному выселенію изъ своихъ по

мѣстьевъ и затратѣ половины своихъ доходовъ на эту одну статью своего семейнаго бюджета.

Изъ этого, кажется, слѣдуетъ, что система обученія, принятая въ гимназіяхъ и другихъ заведеніяхъ, не вполнѣ согласуется съ видами Правительства объ усиленіи помѣстнаго элемента на мѣстахъ жительства въ провинціи, и что такъ называемый „культурный слой“ черезъ это еще болѣе отчуждается отъ самой почвы, которую онъ долженъ оплодотворять, такъ, что можетъ случиться, что этотъ слой, достигнувъ наивысшей культуры, превратится въ воздушный слой, въ паръ и дымъ, очень высоко парящій, но не имѣющій подъ собой никакой почвы.

Дѣло въ томъ, Графъ, что Вы при вашихъ преобразованіяхъ не дали себѣ труда вникнуть въ дѣйствительные и, къ сожалѣнію, очень многочисленные недостатки нашего воспитанія и не хотѣли изслѣдовать настоящихъ нуждъ и пользъ народнаго просвѣщенія въ Россіи, но прямо заключили изъ высокой культуры Англіи и Германіи, что намъ

надо позаимствовать всецѣльно изъ этихъ странъ уставы и программы обученія потому, что ничего лучшаго придумать нельзя. Этотъ пріемъ—такой же фальшивый и, позвольте Вамъ сказать, такой же неосторожный, какъ дѣйствія другихъ нашихъ современныхъ администраторовъ, агитирующихъ рабочій вопросъ потому, что онъ поднятъ въ Англіи и Пруссіи, хотя въ Россіи его нѣтъ и никто кромѣ Правительства его не возбуждаетъ.

Народное образованіе въ Россіи было поставлено на истинный свой путь въ тридцатыхъ годахъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Графомъ Уваровымъ и было сбито съ этого пути политическими колебаніями, начавшимися съ 1849 г. и продолжающимися безостоновочно до нашего времени. Если Вы хотѣли дѣйствовать въ консервативномъ духѣ, дать нашимъ высшимъ и среднимъ школамъ прочное, твердое основаніе, то Вамъ слѣдовало возстановить систему, уже испытанную и давшую несомнѣнно очень обильные плоды, но Вы задались мыслью вдругъ однимъ разомъ поднять уровень народнаго образованія въ Россіи на туже высоту, на какой оно стоитъ въ другихъ странахъ, и стали подымать на блокахъ цѣлое поколѣніе на такую

вышину, что у всѣхъ закружилась голова, а многіе оборвались и убились до смерти.

Не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ выше уровень народнаго образованія въ данной странѣ, чѣмъ глубже и основательнѣе преподаваніе, чѣмъ взыскательнѣе требованія, тѣмъ лучше. Но спрашивается: была ли въ этомъ именно главная, существенная потребность въ Россіи въ данный моментъ и удобенъ ли былъ этотъ моментъ для предпринимаемаго повышенія? Въ чемъ чувствовался наибольшій недостатокъ — въ высшихъ ли культурныхъ средствахъ или въ подготовительныхъ образовательныхъ силахъ? И по выходѣ (если мы хотѣли выйти) изъ пятьнадцатилѣтняго періода колебаній и переворотовъ, окончательно смутившихъ учащуюся молодежь, можно ли было потребовать отъ нея большихъ познаній, чѣмъ требовалось прежде, предъ наступленіемъ этого смутнаго времени? Правительство, сбившее молодыхъ людей съ путы истины крутыми поворотами не только въ учебномъ вѣдомствѣ, но и во всѣхъ дѣлахъ внутренней политики, должно было по крайней мѣрѣ оказать имъ нѣкоторое снисхожденіе, дать время одуматься, потребовать, чтобы они учились прилежнѣе тому, чему

учились, но оно не имѣло права расширять своихъ требованій, усложнять программы, потому, что въ теченіе 15—20 лѣтъ съ 1848 по 1862 оно не только не содѣйствовало усовершенствованію высшихъ школъ, но, какъ мы выше сказали, противодѣйствовало имъ и стѣсняло университетское, а въ особенности филологическое образованіе.

Выборъ времени для повышенія требованій, для обязательнаго введенія классическихъ языковъ, былъ положительно самый неудачный; надо было покрайней мѣрѣ дать отсрочку лѣтъ на десять; но кромѣ того сомнительно, была ли эта потребность дѣйствительная, нужно ли было, посреди общей безграмотности народныхъ массъ и полуграмотности среднихъ классовъ, избрать именно этотъ предметъ — древніе языки — для усиленія культурныхъ нашихъ средствъ; съ того ли слѣдовало начать, если скудныя средства нашего бюджета не позволяли обнять всѣхъ инстанцій школъ и всѣхъ отраслей науки?

Вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно только въ томъ случаѣ, если предположить, что вообще полезно имѣть въ государствѣ, не многолюдный классъ высоко-образованныхъ гражданъ и подъ ними народныя массы по возможности наи-

менѣе образованныя; тогда, разумѣется, культурный слой будетъ всемогущъ. Въ противномъ случаѣ очевидно, что въ Россіи высшія школы еще со второй четверти столѣтія стояли, сравнительно и пропорціонально, несравненно выше, чѣмъ среднія, не говоря уже о начальныхъ, и что главный недостатокъ учебныхъ заведеній, Гимназій, Кадетскихъ Корпусовъ и т. п., заключался не въ объемѣ преподаванія, а въ поверхности обученія; латынскій языкъ преподавался во всѣхъ гимназіяхъ и никто его не зналъ; высшая математика проводилась во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но рѣдкій офицеръ, по выходѣ изъ училища, помнилъ уравненія или логариѳмы. Углубить обученіе, утвердить знанія — вотъ что́ требовалось для среднихъ школъ и когда это было бы достигнуто, тогда можно бы было подумать о введеніи новыхъ предметовъ. Между армейскимъ офицеромъ, воспитанникомъ кадетскаго корпуса, или священникомъ, выпущеннымъ изъ семинаріи, и студентомъ или кандидатомъ Университета — было слишкомъ большое разстояніе, ихъ надо было уравнять прежде, чѣмъ поднимать еще выше одного, оставляя другихъ еще дальше позади и ниже. Умноженіе Гимназій, учительскихъ

школъ, всякихъ среднихъ училищъ, и общеобразовательныхъ и спеціальныхъ, вотъ та настоятельная, существенная потребность, которую надо было удовлетворить Министру Народнаго Просвѣщенія, предоставляя Земству учрежденіе народныхъ школъ и поощряя его начинанія руководствомъ и содѣйствіемъ. Вмѣсто того Вы сочли нужнымъ затруднить елико возможно доступъ и выпускъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній и парализировать первыя слабыя попытки немногихъ земскихъ учрежденій торжественнымъ заявленіемъ недовѣрія къ нимъ и переводомъ народныхъ школъ подъ высшій надзоръ дворянства.

Эта послѣдняя мѣра являетъ намъ полнѣйшее доказательство, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ не имѣется ни малѣйшаго понятія о положеніи и ходѣ дѣлъ въ провинціи, въ сельскомъ быту. Если бы Правители слѣдили за управляемыми, то они бы знали, какъ знаетъ это всякій сельскій житель, что инициатива въ дѣлѣ элементарнаго образованія принадлежитъ почти исключительно дворянамъ; что большая часть народныхъ школъ заведена подъ руководствомъ, а очень многія съ матеріальною помощью дворянъ-помѣщиковъ;

что они же, въ званіяхъ Мировыхъ Посредниковъ, членовъ земскихъ Управъ и Собраній, дали первый толчекъ этому дѣлу и что если, какъ Правительство изволило выразиться, направленіе народнаго образованія было дурное, неблагонамѣренное, то, какое бы оно не было, исходило оно отъ людей, принадлежавшихъ къ дворянскому сословію, которое одно и дѣйствовало на этомъ поприщѣ, потому, что въ этомъ сословіи числится наиболѣе образованныхъ людей. Ихъ было немного, они составляли въ своей корпораціи небольшее меньшинство, но они-то, все таки дворяне, члены Земства, и орудовали начальными школами. Въ одной очень интересной запискѣ Ю. Ф. Самарина мы прочли остроумное замѣчаніе, что „трудно въ Россіи различить дворянина отъ бюрократа, потому, что они безпрестанно переодѣваются одни въ платья другихъ: дворянинъ надѣнетъ мундиръ — бюрократъ; бюрократъ надѣнетъ халатъ — дворянинъ“. Но еще труднѣе — прибавимъ мы — отличить земскаго или мироваго дѣятеля отъ дворянина, потому, что они даже не перемѣняютъ и платья, и едва ли найдется въ Россіи дворянинъ, который не прошелъ бы въ своей жизни чрезъ одну или нѣсколько или даже чрезъ

всѣ метаморфозы дворянскихъ мировыхъ и земскихъ учрежденій.

Что же вы имѣли въ виду, Графъ, переводя высшій надзоръ надъ народными школами съ Земскихъ Учрежденій, которыя въ послѣднее десятилѣтіе все таки нѣсколько подвинули это дѣло, на дворянство, которое оставило его, послѣ семидесятилѣтняго періода своего управленія, въ томъ далеко не блестящемъ положеніи, въ коемъ мы его застали въ 1861 году? Подчинить ту часть дворянства, которая занималась народнымъ образованіемъ и ему сочувствовала и которая вездѣ была въ меньшинствѣ, — той части того же благороднаго сословія, которая имъ и интересовалась, но менѣе, чѣмъ крестами, чинами и концессіями? Подавить меньшинство большинствомъ и устранить тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые составляютъ лучшую связь между высшими и низшими классами? Эта ли была ваша цѣль? Этого Вы достигли или можете достигнуть. Но только этому и такому результату могутъ возрадоваться Бакунинъ и юноши, отправляемые имъ въ народъ, но не мы съ Вами, Графъ, и въ особенности не наши дѣти. Такъ-то, преисполненные благихъ намѣреній къ поддержанію власти

и порядка, Вы, какъ и другіе сановники вашей же школы, каждый въ своемъ вѣдомствѣ, работаете усердно, неутомимо надъ потрясеніемъ всякой власти, и гдѣ только послѣдовало нѣкоторое сближеніе между сословіями, Вы бросаетесь между ними, чтобы ихъ разединить, какъ будто опасаясь, чтобы первое дѣйствіе ихъ соглашенія не было — заговоръ противъ Васъ. Дворянство, и, разумѣется, только лучшая, образованнѣйшая и меньшая его часть, нашло нить, посредствомъ коей могло сойтись съ крестьянствомъ, возстановить желаемое вліяніе образованныхъ классовъ на грубыя массы народа, и главными проводниками между ними были народныя школы, ссудо-сберегательныя товарищества, рабочія артели; но дворяне дѣйствовали и могли дѣйствовать на этомъ поприщѣ только однолично, въ качествѣ мѣстныхъ жителей, сельскихъ обывателей, пользуясь личнымъ своимъ вліяніемъ и вѣсомъ, всегда склоняющимся на сторону людей богатыхъ и просвѣщенныхъ, если они сами его не подрываютъ. Вы же задумали замѣнить эту личную инициативу — корпоративною и тѣмъ испортили все дѣло, потому что дворянство въ Россіи хотя

и даетъ отечеству и правительству лучшихъ дѣятелей и служителей, но какъ корпорація никуда и никогда ни къ чему не годилось.

Мнѣ остается только извиниться, Графъ, что я, можетъ быть, приписалъ Вамъ нѣсколько такихъ дальнихъ видовъ и глубокихъ умысловъ, какихъ у Васъ не было. Вы можете ото всѣхъ ихъ отречься и сказать коротко и ясно, что Вы усилили программу обученья только для пользы самой науки и ввели древніе языки для упражненія ума воспитанниковъ. Эта послѣдняя тема есть оффиціальная формула, въ которую обыкновенно облекаются всѣ аргументы въ пользу классическаго образованія, и она столько разъ была заявлена и оспорена, что я ничего новаго ни pro ни contra сказать не умѣю.

Я позволю только обратить Ваше вниманіе на слѣдующее психологическое явленіе, которое я постоянно подмѣчалъ во всю мою жизнь и во всѣхъ слояхъ русскаго и иностранныхъ обществъ. Мнѣ кажется, что люди всегда рождаются съ нѣкоторыми предопредѣленными способностями, которыя могутъ быть подведены подъ два главные разряда: одинъ изъ нихъ я назову *беллетрическимъ*, другой — *математическимъ*. Названіе эти впрочемъ

не выражаютъ вполнѣ моей мысли: я разумѣю это такъ, что одни обнаруживаютъ больше склонности къ поэзіи, словесности вообще или къ искуствамъ и художествамъ, отличаются пылкостью воображенія, впечатлительностью къ красотамъ природы, и изъ нихъ образуются литераторы, филологи, юристы, художники и вся та масса публики, которая, не имѣя особыхъ дарованій, не достигаетъ этихъ высшихъ степеней образованности, но служитъ воспріимчивой почвой, на которой выростаютъ сѣмяна, посѣянныя наукой и, при дальнѣйшей житейской практикѣ, образуются тоже полезные дѣятели. Для нихъ *классическое образованіе* есть вмѣстѣ и потребность и лучшее упражненіе ихъ умственныхъ способностей.

Другой разрядъ людей рождается съ чувствомъ равнодушія и пренебреженія къ формамъ и звукамъ, къ красотѣ и изяществу, съ пытливымъ, разсчетливымъ настроеніемъ ума, и стремится по врожденному чувству къ точности въ своихъ умозрѣніяхъ и дѣйствіяхъ; изъ нихъ выходятъ преимущественно военные чины, сельскіе хозяева, финансисты и промышленники, всякіе техники, математики,

медики, естествоиспытатели, мореплаватели. Это направленіе мы называемъ математическимъ или *реальнымъ* въ противоположность беллетрическому или *классическому*.

Оба эти направленія мы признаемъ не только равноправными, но прирожденными человѣчеству, такими же естественными свойствами его, какъ цвѣтъ глазъ и волосъ, и когда возбуждается споръ о преимуществахъ того или другаго, то намъ это кажется также смѣшнымъ, какъ споры о томъ, кто лучше — брюнетки или блондинки. Преимущества и недостатки людей обоихъ направленій равносильны: одни мягче, впечатлительнѣе, болѣе способны восторгаться добромъ и красотой, но за то и слабѣе, безпечнѣе характеромъ, падки на всякія увлеченія и въ домашнемъ или хозяйственномъ быту не разсчетливы и часто безпорядочны; другіе — тверже нравомъ, сдержаннѣе и послѣдовательнѣе въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, бережливы, разсчетливы въ своемъ хозяйствѣ, но за то болѣе или менѣе жестки и сухи по природѣ и склонны къ отрицанію того, что не подходитъ подъ формулы математическихъ выводовъ и доказательствъ.

Разумѣется есть и такія широкія натуры, которыя соединяютъ всѣ эти способности, но это—очень рѣдкія исключенія; большею частью съ молодыхъ лѣтъ проявляется преобладаніе тѣхъ или другихъ: пятьнадцатилѣтній мальчикъ, если онъ не тупъ отъ природы, непремѣнно обнаружитъ или особую любовь къ поэзіи, словесности, художествамъ, или способность къ вычисленіямъ, техническимъ познаніямъ, реальнымъ наукамъ. Вотъ въ этотъ-то моментъ Вы его и берете, чтобы сказать ему отъ имени начальства, что если онъ хочетъ быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, то онъ не долженъ слѣдовать влеченію своихъ вкусовъ и наклонностей; что реальное образованіе не приведетъ его къ высшимъ степенямъ просвѣщенія; что онъ можетъ, пожалуй, идти и по этому проселочному пути воспитанія, но что главный трактъ, ведущій къ высшимъ школамъ, для него закрытъ, если по божьему промыслу онъ отъ рожденія не одаренъ тѣми спеціальными способностями, которыя требуются Высочайше утвержденными программами и уставами.

И вотъ этого-то права сортировать нашихъ дѣтей по предвзятымъ соображеніямъ очень небольшаго

кружка педагоговъ мы положительно за Вами не признаемъ. Его не признаетъ и въ Россіи никто, кромѣ той группы истыхъ консерваторовъ, которыхъ Вы успѣли убѣдить не въ пользѣ классицизма, а въ необходимости затруднить доступъ въ Университеты, и въ общей массѣ образованныхъ сословій Вы непремѣнно найдете 90 семействъ изъ 100, въ которыхъ настоящая система воспитанія составляетъ предметъ обыденныхъ и очень горькихъ сѣтованій и жалобъ, такъ что дѣти воспитываются въ средѣ, совершенно враждебной ихъ воспитанію, и, возвращаясь изъ школы въ семейства, постоянно слышатъ отзывы, осуждающіе учебную нашу организацію.

Это — зло неизмѣримое, ибо родители и старшіе члены семействъ сами подрываютъ авторитетъ преподавателей и такимъ образомъ подавляютъ одной рукой то образованіе, которое даютъ другою.

Но кто же въ этомъ виноватъ?

Одна очень знатная особа изъ числа нашихъ сановниковъ изволила однажды мнѣ объяснить, что хотя она лично не вполнѣ одобряетъ вашъ классическій фанатизмъ, но признаетъ пагубнымъ настроеніе нашего общества критиковать гласно, во все

услышаніе и часто въ присутствіи самыхъ воспитанниковъ, систему воспитанія, и что по этому Правительство и сочло нужнымъ прекратить журнальную полемику по этому предмету, принявшую въ послѣднее время особенно ѣдкій тонъ.

Я отвѣчалъ слѣдующее: наша пресса дѣйствительно отнеслась въ этому вопросу слишкомъ запальчиво и пристрастно, не подумавъ, что педагогическія словопрѣнія отзываются во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ правъ или виноватъ, вредно на незрѣлые умы воспитанниковъ. Но потому-то именно и нельзя вводить въ народное просвѣщеніе новыхъ началъ и системъ, не испытавъ предварительно почвы, на которой сѣмяна будутъ сѣяться, не убѣдясь въ воспріимчивости общества, которое хотятъ просвѣтить; съ самаго перваго дня, какъ воздвигнуто было это знамя классицизма можно было убѣдиться, что русское общество къ такому крутому повороту не подготовлено, и что изъ числа литераторовъ, педагоговъ, наставниковъ, т. е. тѣхъ людей, которые должны были проводить эту мѣру, не говоря уже о всѣхъ прочихъ, одна половина вовсе ей не сочувствовала, а изъ другой три четвертыхъ части покорялись повелѣніямъ Правитель-

ства не по убѣжденію, а по насущной нуждѣ, для сохраненія своихъ мѣстъ и содержаній. Надо было по этому не насиловать убѣжденій, хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ и оказались предразсудками, дать классическимъ наукамъ полный ходъ, почетное мѣсто, съ котораго онѣ свергнуты были реакціей 1849 г., но не слѣдовало давать имъ привилегій и возвышать требованій, покуда самое сознаніе пользы науки было еще такъ смутно у нашихъ отцовъ семействъ. Давъ классическимъ и реальнымъ школамъ равное мѣсто, Правительство указаніемъ опыта убѣдило бы и родителей, и дѣтей въ относительномъ достоинствѣ тѣхъ и другихъ. Но навязывать насильно цѣлому поколѣнію свою систему и требовать, чтобы оно изъ предосторожности притаило свои возраженія, изъ опасенія возмутить дѣтей не касалось самаго вопроса, интересующаго всѣхъ и каждаго, обвинять прессу въ томъ, что она служила вѣрнымъ отголоскомъ мнѣній огромнѣйшаго большинства отцовъ и матерей, — это несправедливо.

Ропотъ и осужденіе, преслѣдующія всѣ мѣропріятія Министерства Народнаго Просвѣщенія, представляютъ дѣйствительно очень прискорбное явле-

ніе, но оно есть неизбѣжное послѣдствіе политики, исповѣдуемой нашими современными администраторами, т. е. полнѣйшаго ихъ пренебреженія къ общественному мнѣнію.

Но пора намъ придти къ заключенію и мы просимъ Васъ, Графъ, выслушать снисходительно нашу всепокорнѣйшую просьбу.

Опасаясь новой ломки учебнаго Устава еще болѣе, чѣмъ продолженія его дѣйствія, но предвидя съ другой стороны, что онъ долго удержаться не можетъ, мы просимъ только одного: *снять съ реальныхъ школъ опалу, которую Вы на нихъ наложили, и открыть для нихъ, наравнѣ съ классическими гимназіями, свободный доступъ въ высшія учебныя заведенія.*

Вотъ и все.

Никакихъ новыхъ уставовъ и программъ для этого не требуется; никакихъ коммиссій для обсужденія направленій созывать не слѣдуетъ; предложеніе, которое мы теперь повергаемъ на ваше усмотрѣніе, было уже столько разъ заявлено, такъ разносторонне обсуждено, что новыя пренія могутъ

только смутить, но не разъяснить вопроса по существу.

Примиреніе возможно только на этой почвѣ, а мы прежде всего желали бы, чтобы дѣло обошлось безъ новыхъ смутъ, безъ той желчной, озлобленной полемики, которую ваши приверженцы вели въ шестидесятыхъ годахъ противъ вашего предшественника и которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ для нихъ и для Васъ, но также и всеобщимъ раздраженіемъ умовъ, расколомъ во всемъ учебномъ вѣдомствѣ. Чтобы избѣгнуть новаго кризиса, новыхъ переворотовъ, мы даже согласны оставить въ силѣ Вами заведенные порядки: пусть дворянство остается на стражѣ народнаго образованія, — ни добра, ни зла оно не причинитъ, и Вы сами скоро убѣдитесь въ безполезности этой мѣры; — пусть въ гимназіяхъ, такъ называемыхъ классическихъ, продолжаютъ упражнять учениковъ въ изученіи древнихъ міровъ и мертвыхъ языковъ: Вы сами увидите необходимость постепенно умѣрять излишнія требованія и возвратитесь къ прежнимъ порядкамъ безъ шума, безъ волненій. Одного только нельзя допустить: это той власти, которую Вы себѣ приписали, — указывать нашимъ дѣтямъ, по-

мимо воли родителей, наперекоръ общественному мнѣнію, одинъ исключительный и единственный будтобы путь для высшаго образованія, между тѣмъ, какъ ихъ много и что всѣ они равны.

Откажитесь отъ этого чрезмѣрнаго права, которое Вы себѣ присвоили самовластно, допустите, что Вы можете ошибаться, и только. Болѣе ничего ваши противники не требовали и не требуютъ, и вообще раздраженіе противъ вашего управленія происходитъ именно отъ того, что Вы поставили ваши уставы на степень догмата, какъ Римскій Папа — свою непогрѣшимость.

Могу Васъ увѣрить, что между людьми противнаго Вамъ мнѣнія многіе не менѣе Васъ дорожатъ классическимъ образованіемъ, но потому именно, что мы имъ дорожимъ, мы и опасаемся, чтобы струна, черезъ мѣру натянутая, внезапно не оборвалась, *чтобы за фанатизмомъ классицизма не послѣдовала реакція реализма,* чтобы университеты и гимназіи не опустѣли, а военныя школы не сдѣлались единственнымъ рессурсомъ воспитанія нашихъ сыновей; однимъ словомъ, чтобы послѣднее слово вашего управленія не было *превращеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Главноуправле-*

ніе военно-учебными заведеніями, а всѣхъ студентовъ и гимназистовъ — въ кадеты.

Правы ли Вы или мы, ошибается ли общественное мнѣніе или Министерство Народнаго Просвѣщенія, но вѣрно то, что противъ вашей системы возмущается чувство очень сильное во всѣхъ слояхъ русскаго общества, — *чувство родительской любви:* оно возмущается тѣмъ, что видитъ невозможность воспитывать дѣтей по заданнымъ программамъ, во первыхъ — по недостатку средствъ, т. е. самыхъ преподавателей и наставниковъ, а во вторыхъ — потому что напряженія, требуемыя отъ учениковъ, превосходятъ физическія силы всѣхъ дѣтей, не одаренныхъ отъ природы желѣзнымъ тѣлосложеніемъ; такъ что высшее образованіе сдѣлалось подъ Вашимъ руководствомъ двоякой привилегіей богатыхъ семействъ и особенно здоровыхъ мальчиковъ, и что всякій перерывъ въ обученіи по случаю болѣзни отодвигаетъ ученика на цѣлый годъ. Это чувство раздраженія многихъ отцовъ семействъ и производитъ то общее смущеніе, на которое справедливо жалуются органы вашего управленія и Вы сами; ни Ценсура, положившая печать молчанія на русскую прессу, ни вынужденное соглашеніе Дирек-

торовъ Гимназій, Профессоровъ Университетовъ и Чиновниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не могутъ скрыть отъ чуткаго сознанія родителей, что все это искуственное ваше зданіе не прочно, не долговѣчно; это сознаніе приходитъ внутрь семейной жизни, гдѣ оно еще вреднѣе вліяетъ на дѣтей, чѣмъ въ журналахъ и административныхъ сферахъ, и на нашихъ глазахъ подростаетъ поколѣніе, настроенное самыми родителями на осужденіе и отрицаніе.

Вы примите, Графъ, на вашу душу тяжкій грѣхъ, котораго Вамъ не простятъ грядущія поколѣнія вашихъ соотечественниковъ, если не выступите на тотъ путь примиренія, который мы себѣ позволили Вамъ указать, облегчая постепенно введенную Вами излишнюю взыскательность и открывая свободный доступъ въ Университеты воспитанникамъ реальныхъ школъ наравнѣ съ другими. Противъ голоса отцовъ и матерей трудно спорить и самодержавной власти. Петръ Великій былъ могущественнѣе Васъ, но когда, прельстясь въ своихъ вояжахъ аристократическимъ строемъ Англіи и Германіи, онъ задумалъ для поддержанія знатныхъ родовъ ввести законъ о единонаслѣдіи, то чувство

родительской любви и семейной связи пересилило всемогущаго Преобразователя: указъ Государя 1714 г. былъ отмѣненъ въ 1730 г.

Тоже чувство возстаетъ и теперь противъ порядковъ, заимствованныхъ изъ тѣхъ же странъ и имѣющихъ также въ виду аристократизировать народное просвѣщеніе. Не политическія или соціальныя мнѣнія протестуютъ противъ вашей классической исключительности, а совершенно простыя и естественныя чувства любви и состраданія къ дѣтямъ, изнемогающимъ душею и тѣломъ отъ непосильной строгости и сложности вашихъ учебныхъ уставовъ.

Напрасно ваши безсмѣнные кліенты, редакторы Московскихъ Вѣдомостей, видятъ въ противодѣйствіи Министерству Народнаго Просвѣщенія интригу, заговоръ антисоціальныхъ и антирелигіозныхъ партій, подкрѣпляемыхъ соучастіемъ простодушныхъ отцовъ семействъ, которые не видаютъ, что творятъ. Мы вѣдаемъ, что Вы творите испытаніе, котораго русское общество не выдерживаетъ, за которымъ послѣдуетъ неизбѣжная реакція, и потому именно, что мы опасаемся въ дѣлѣ воспитанія всякихъ реакцій, и либеральныхъ, и консерва-

тивныхъ, всякихъ крайностей, и классическихъ, и реальныхъ, потому-то и умоляемъ Васъ предупредить новыя потрясенія принятіемъ мѣръ, соглашающихъ мнѣнія, примиряющихъ крайности. Мы знаемъ, что лучше бы было продолжать управленіе народнымъ просвѣщеніемъ по тѣмъ началамъ, которыя преподаны были Графомъ Уваровымъ назадъ тому 40 лѣтъ, отъ которыхъ отступали всѣ и всякій изъ его преемниковъ то въ ту, то въ другую сторону, но если зло уже сдѣлано, то мы желали бы только, чтобы оно не повторялось при каждой смѣнѣ Министра, и предлагаемъ компромиссъ, который, какъ мы думаемъ, можетъ согласить ваши убѣжденія съ общественнымъ мнѣніемъ.

Совмѣстное существованіе на равныхъ правахъ классическихъ и реальныхъ училищъ укажетъ намъ, который изъ двухъ путей лучше, пригоднѣе для высшаго образованія, и этотъ-то выборъ мы хотимъ предоставить не администраціи, измѣняющей свои виды по политическимъ соображеніямъ, а неизмѣнному чувству попеченія родителей о благѣ своихъ дѣтей,—опыту жизни и практикѣ, а не экзаменаціоннымъ коммиссіямъ и аттестаціямъ, — самимъ учени-

камъ, а не начальству, и мы формулируемъ наше мнѣніе такъ:

Высшія школы могутъ и должны быть очень взыскательны при окончательномъ выпускѣ студентовъ и строго разборчивы при присужденіи учебныхъ степеней, начиная отъ дѣйствительныхъ студентовъ до докторовъ. Но онѣ не имѣютъ права заграждать къ себѣ доступъ молодымъ людямъ, достаточно развитымъ и подготовленнымъ, подъ предлогомъ, что они учились не по программѣ, оффиціально утвержденной; не имѣютъ права запирать двери своихъ аудиторій передъ учениками, изучившими глубже, основательнѣе одинъ предметъ, чѣмъ другой, потому что это значитъ насиловать самую природу человѣческую, отрицать Божію волю, которая надѣляетъ людей различными способностями, и скажемъ болѣе, — это значитъ предрѣшать властью судьбу человѣка, потому что любовь къ наукѣ, инициятива образованія пробуждаются въ большей части молодыхъ людей именно въ тотъ моментъ, когда они получаютъ полную свободу ученія и свободный выборъ той отрасли человѣческихъ знаній, которая соотвѣтствуетъ ихъ способностямъ, вкусамъ и складу ума.

Устройте же какъ можно лучше и полнѣе подготовительное среднее образованіе, — классическія, реальныя, военныя и духовныя училища, — *это ваше дѣло.* Предоставьте лучшимъ ученикамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній равный доступъ въ высшія школы, — *это наше право.*

Мы только этого у Васъ и просимъ.

Князь А. Васильчиковъ.

